

МУСОРНЫЙ КОРОЛЬ ИЗ СОРБОННЫ

Карина Абдусаламова поговорила с куратором колумбийского Музея мусора

Про Музей мусора (*Museo de La Basura*) я впервые услышала от своего соседа Джейка: он ворвался ко мне в комнату с листком англоязычной газеты *The City Paper*, тыча пальцем в фотографию какого-то люмпена, горделиво восседающего среди хлама. Тогда я только переехала в Боготу и находилась в поисках нестандартных увеселений. «Музей мусора» — это звучало многообещающе.

Здание музея находится в тихом районе Теусакийо недалеко от исторического центра Боготы. Наша с Джейком боязнь заблудиться среди благоустроенных фасадов жилых домов оказалась напрасной: божественное сияние храма мусора, заметное за несколько кварталов, ни с чем не спутаешь. Музей обрамляют замысловатые инсталляции: мусорное распятие с надписью «Таков мир», из оконных дыр выглядывают грязные кукольные головы, на газоне внутреннего двора покоится дюжина пустых бутылок из-под виски. В качестве приветственного знака — вставленный в пластиковую раму телевизора кусок красного картона с предостережением: «Призыв к неразумному потреблению во благо экономических корпораций-гигантов является преступлением против природы». Сам вход в музей лишен помпезности: дверь заменяет драная пластиковая занавеска, которая своим видом призывает одуматься и бежать прочь.

Перешагивая через порог, мы чуть было не наступили на больного голубя. Увидев нас, он с опасливым курлыканьем уполз в расщелину в полу. «Домашний зверек мусорного короля», — предполагает Джейк. Со второго этажа раздается смех, и хрипловатый мужской голос зовет нас к себе. Пока пытаюсь найти портал наверх, натываюсь на пластиковые бутылки, развешанные на потолке, коробки, разбросанные по полу, и тонны газет. Голова кружится от вьедливого запаха пыльной свалки и общественного туалета. Свет приглушенный, красный, хочется бежать, но голубиные глаза смотрят из угла слишком презрительно. Глубоко вздыхаем и поднимаемся по узкой железной лестнице.

На втором этаже дышать немного легче: здесь пахнет дешевым виски и марихуаной. Через дым и пыль на ощупь пробираемся к источнику звука. Маргинализированный бодхисатва с газетных страниц в реальной жизни выглядит даже колоритней и ко всему прочему окружен недурно выглядящими колумбийскими барышнями. Потягивая виски из грязного стакана, он с саркастичной улыбкой оглядывает нас. Борода спускается к буддийского размера пузу длинными дредликами, очки, надетые вверх тормашками, смотрятся настолько гармонично, что подвох замечаешь не сразу. На своем троне-диване он напоминает одновременно китайского мудреца, городского сумасшедшего и короля. Жестом предлагает нам присесть и поговорить.

— Меня зовут Франциско Сеа Рестрепо Эскобар Кампузано Эчеверри. Так вышло, что я был дважды убит: в первый раз это произошло в Энвигадо, а другой раз в Картахене. После этого я воскрес уже в новом статусе: теперь я Его превосходительство достопочтенный сэр Антонио Иисус Касафус Торрес Рестрепо-и-Сеа. Главнокомандующий войсками этой страны, в том числе и антиправительственной армией. Не поставленный под сомнение император жизни. Но чтобы не ставить тебя в затруднительное положение, я позволю называть меня Тоньито.

Нервно верчу головой, осматриваясь. Первое, за что цепляется взгляд, — драный тюфяк у стены.

— Ты живешь, что ли, здесь, прямо в музее?

— Да, это одновременно мой дом и музей вот уже 18 лет. Кстати, если ты думаешь, что экспозиция состоит из моего личного хлама, ты сильно ошибаешься. Мусор, собранный здесь, мне не принадлежит. В течение многих лет я ходил по улицам и подбирал экспозицию за жителями Боготы, так что она принадлежит им.

— И как им нравится здесь?

— Они испытывают разные эмоции: кто-то восхищен и вдохновлен, кто-то полон омерзения от окружающих запахов, но и те, и другие в первые минуты пребывания испытывают шок. Так я это и называю: педагогика шока. Они ходят вокруг,

Фотографии автора

осматриваются, уже натываются на штуки, которые им могут и понадобится в обычной жизни, будь то отвертка, ножницы, мамины пилюли. Это не беспорядок — это Кандинский. Знаешь, кто такой Кандинский? Русский художник, вырастивший свой талант в Германии, отец абстрактного искусства. Но это не важно, посмотри вокруг: вот лифчик, кусок пенопласта или кусочек оранжевой бечевки — все это элементы, создающие новое пространство, все связано.

— Что с тобой случилось 18 лет назад?

— 18 лет назад, дорогуша, я устал от обычной жизни.

— Обычной жизни?

— Семь с половиной миллиардов людей постоянно покупают китайское дерьмо. Вот это и называется обычной жизнью.

Тоньито ждет реакции. Это ключевой момент: либо он продолжит разговаривать со мной как с идиоткой в свойственной ему издевательской манере, либо начнет воспринимать меня серьезно. Лезу в сумку за блокнотом и серьезным журналистским лицом.

— Как пришла идея создания музея?

— Это был долгий процесс. В конце 70-х

я числился в студентах престижного экономического университета Боготы. Но в основе обучения лежало прививание студентам этики неолитерализма в довольно навязчивой и грубой форме. Мне это по душе не пришлось. В знак протеста я бросил университет и покинул страну. Мою страну... В итоге оказался во Франции, где и не планировал быть, стал студентом одного известного парижского университета.

— **Какого?**

— Сорбонны.

Мы с Джейком переглядываемся.

— Я проучился там 6 лет на отделении искусства, хотел стать художником. Но примерным студентом меня вряд ли можно назвать.

Тоньито шлепает одну из девушек по заднице: «Давай, покажи им фотографии». Она приносит громоздкий пыльный фотоальбом, наполненный воспоминаниями из ослепительного прошлого мусорного монарха. Там фотографии с вернисажей: на одной из них он стоит в окружении дам в красных лакированных туфлях.

— Вскоре я пришел к заключению, что, живи я как француз, вовек не стать мне настоящим художником. У меня не было денег на богемную жизнь, поэтому я решил себя маргинализировать: начал со сквотов. Поначалу вещи, которые я подбирал на улице, имели вполне ясное функциональное предназначение. А потом уже я собирал хлам, руководствуясь своими эстетическими предпочтениями по цвету, форме, текстуре. Так я раскрыл для себя магию мусора.

В 80-х арт-инсталляции становились суперпопулярными в Париже. Тогда на каком-то мастер-классе разговор зашел об использовании материалов для арт-объектов, и кто-то спросил, почему мы не используем в качестве материала мусор, ведь мы производим его безостановочно в таких гигантских количествах. Так мне и пришла в голову идея создания музея мусора.

— **Почему ты уехал из Парижа?**

— Мне не нравится Европа.

— **Почему?**

— Ну вот Александр Македонский завоевал Ближний Восток, так? Потом пришли британские, испанские, португальские колонизаторы и отхлпали себе Индию, весь Американский континент, французы тоже понаследили достаточно. Они пришли, разворовали всю планету, а сейчас сидят без гроша. Скоты.

— **Когда ты впервые задумался о влиянии культуры потребления на мир?**

— Во время учебы во Франции. Это чувство, накрывшее меня, было безбрежным. Все эти бесконечные мегамоллы и супермаркеты полны мусора. Внезапно я осознал связь между потребительством и проблемами окружающей среды.

— **Придерживаешься ли ты каких-либо формальных взглядов?**

— Я искренний поклонник концепции неопределенности.

— **Многое ли изменилось в твоих взглядах с молодости?**

— Начнем с того, что я был католиком. Хотя мне никогда это не нравилось, меня просто заставляли ходить в церковь. Но это не помешало мне испытать на себе влияние диалектического материализма. Церковь так и не смогла уничтожить во мне тягу к жизненно важным вопросам вечности, времени, пространства. Откуда появилась жизнь, откуда появилась Вселенная, черт возьми? Кто

может объяснить это? Эти штуки просто не имеют объяснения!

— **Есть ли у тебя политические предпочтения?**

— Нет.

— **Почему?**

— Потому что все политики — чертовы лжецы. Самой отвратительной ложью, которую мне когда-либо доводилось слышать от политиков, было заявление о том, что мы находимся на пути к прогрессу. Это чушь собачья. Мы убеждены в том, что человечество делает успехи на пути к самосовершенствованию: например, мы научились продавать и покупать. В действительности единственное,

что мы методично день за днем делаем, — это по-гребаем будущее планеты под горой целлофановых пакетов. Прогресс пошел по скользкой дорожке. Все закончится войной. Недавно сюда приходил юноша, он хотел поговорить о войне и революциях. Я послал его к черту.

— Ты веришь в революции?

— Нет. Суть в том, что люди, достигающие вершины, почему-то всегда забывают, за что боролись, и все то же дерьмо повторяется по кругу, только лица сменяются. Чем закончилась Французская революция? Короли были убиты, зато Наполеон стал императором. В чем смысл такой революции,

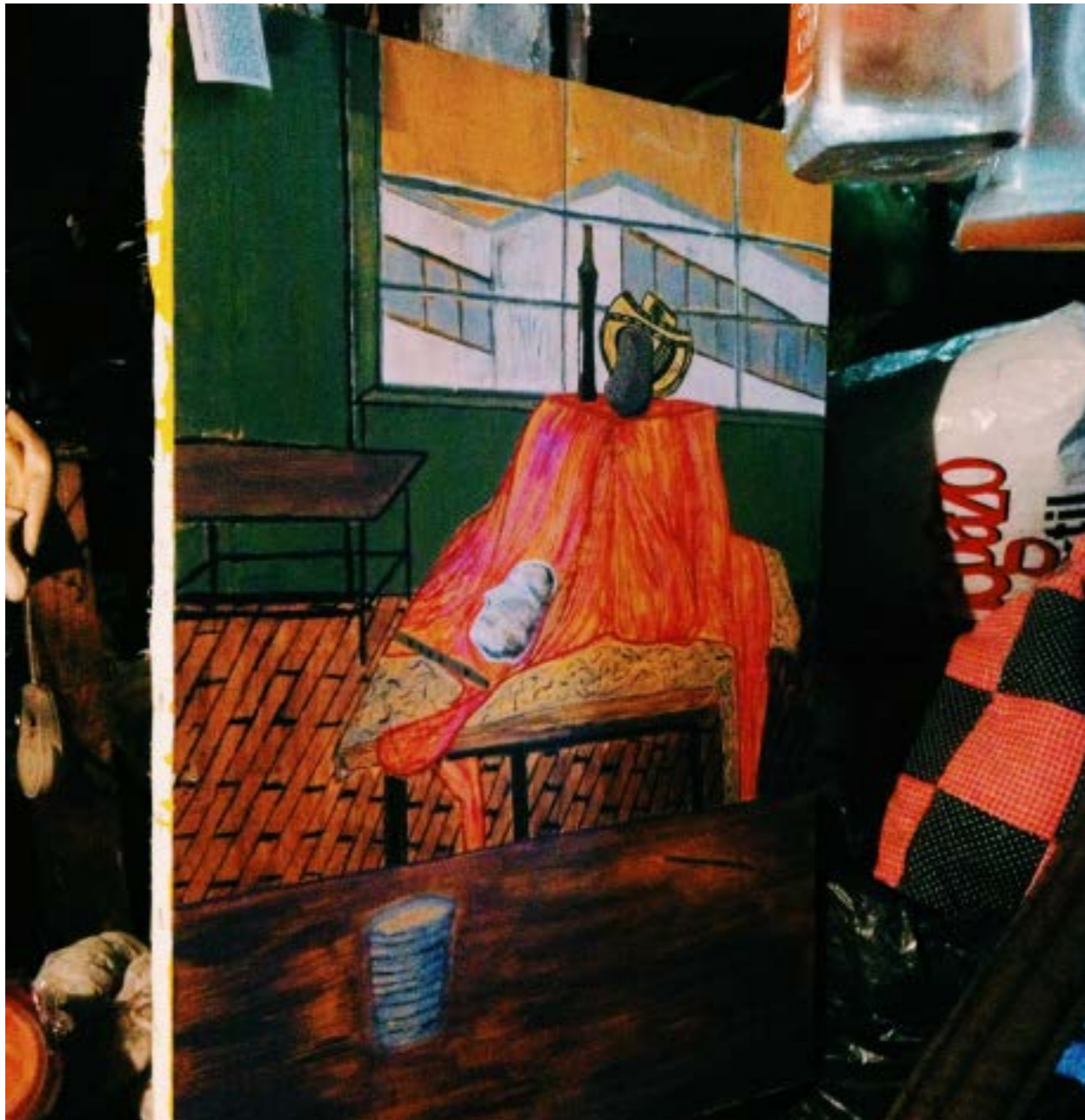
если в результате этого переворота к власти просто приходит новый мерзавец? Это даже хуже. Мы, люди, очень незрелые создания.

— В таком случае каков истинный путь к прогрессу?

— Люди должны вымереть. Пусть крысы и игуаны правят миром: им-то уж точно нет никакого дела до революций.

— Какое достижение человечества, по твоему мнению, является наиболее значимым?

— Я думаю, их два: письменность и язык. Но опять же проблемы возникают сразу после того,

это мексиканский комик, который в 70-х играл супергероя-неудачника в популярном во всей Латинской Америке ситкоме *El Chapulin Colorado*.

— Чеспирито...

— Ну хорошо, кроме Чеспирито, у меня есть еще четыре... четыре относительно мужественных героя: Диоген, циничный грек, что жил в бочке; Ганди; потом американский поэт Генри Дэвид Торо, который выводил американское правительство своими выходками; и Иисус, человек, тот, который ходил по земле, а не так называемый «Сын Бога».

Внизу слышались неуверенные шаги — пришли новые посетители, может быть, даже наступили на голубя.

— Много посетителей у твоего музея? Кто обычно сюда приходит?

— 50–100 человек в месяц. Большинство — студенты. Приходят из арт-школ, потому что считают музей арт-проектом, своеобразным благоухающим произведением искусства. Приходят экологи, социологи, журналисты. Много молодых людей, изучающих психологию, появляются в музее на меня посмотреть: думают, что я псих.

На этой фразе Тоньито достает из пыльного сундука странный объект и нахлобучивает его себе на голову, позировав в мусорном парике всем на потеху. Пророк, поэт, революционер, пьяница, художник, активист, философ, бродяга, самопровозглашенный монарх своего маленького королевства отбросов. Пока мы пробираемся через клубы дыма, наталкиваясь на новых посетителей, он продолжает смеяться своим заразительным странным смехом. Все тонет в запахах, звуках его хохота и слабом красном свете. Когда мы наконец выбираемся наружу, кажется, что мусорный дом-музей сейчас исчезнет, на его месте внезапно окажется гигантский супермаркет, а нас с Джейком заберут в психушку. Мы глубоко вдыхаем неожиданно свежий воздух и бредем по направлению к автобусной остановке. Занавес опускается. ■

как мы начинаем ими пользоваться. То же касается и технологий. Какой смысл в вечном двигателе, если его изобретение влечет бессрочное загрязнение окружающей среды? В последние лет двадцать проблемы экологии активно обсуждаются во всем мире, они у всех на слуху, однако в действительности никому из людей до них нет дела, пока проблема напрямую не затрагивает лично их. Но когда загрязнение планеты станет вашей личной проблемой, будет уже слишком поздно что-либо менять. Другая проблема заключается в неравенстве, в том, что есть общество, которое делится на очень бедных и очень богатых людей. Мы постоянно находимся в зоне страдания: каждый богат на Земле живет в страхе за свою жизнь и свое имущество. Это происходит, потому что бедняки умирают от голода.

— А ты веришь в равенство?

— Нет, не верю. Мы все разные, мы агонизируем в силу наших интеллектуальных способностей: умные — в своем ключе, дураки — в своем. Но я верю, что и те, и другие имеют право на достойную жизнь.

Звонит телефон. Пока король говорит, то и дело называя невидимого собеседника «уважаемым синьором тупицей», я скольжу взглядом по комнате. Вокруг развешаны макеты, карты, на полках стоят золоченые тома энциклопедий. Тоньито вешает трубку и смотрит на меня.

Указывая пальцем в сторону книжной полки над его головой, спрашиваю:

— Все прочитал?

— Ни одной. Мне нравится пить, а не читать. Все, что было когда-либо написано, ложь. Хотя я верю, что есть небольшой шанс наткнуться там и на маленькую правду.

— И авторов любимых, значит, тоже нет?

— Нет, я не люблю литературу, я не читаю. Ваш Дон Стоевский (имеется в виду, конечно же, Достоевский. — К. А.) тот еще мошенник.

— Хорошо, авторов у тебя любимых нет, а герои, идейные наставники?

Тоньито немного задумывается, а затем восклицает: «Чеспирито, Красный Кузнечик!» Барышни вокруг заливаются смехом, только на наших с Джейком лицах отражается недоумение. Наконец, отсмеявшись, девушка объясняет, что